

Проклятье

– Твоя мать вся была изъедена шрамами. Её кожа была сплошная язва. Она (смех), изувеченная, ходила по берегу голой.

Голос хриплый, прокуренный, а выражение лица безумное. Седые волосы разбросаны по цветной подушке. На сморщенном лице капельки пота. Вся комната пропитана запахом старости и лекарств.

– Ты, – глаза наливаются кровью; в уголках глаз скопившийся гной, – тоже такой же будешь. Даже если твои глаза не будут видеть этих шрамов, то остальные их видеть будут. Ни один парень не захочет прикоснуться к тебе. (Кашель.)

На столе горит свеча. Её пламя колышется из-за тяжёлого дыхания.

Открывается дверь, и в тёмную комнату из коридора вливается яркий свет. В узком проёме появляется силуэт отца. Он аккуратно прикрывает за собой дверь.

– Мама, тебе нельзя долго разговаривать, – он заботливо накрывает её одеялом и поворачивается ко мне.

– Солнышко, ложись-ка спать.

– Хорошо, папа, – тонким голоском отвечаю я.

За окном дождь. Я ворочаюсь под холодным одеялом. Хриплое эхо звучит в моих ушах: «Она вся была в шрамах... Ты такой же будешь... Даже если твои глаза не будут видеть... Не захочет прикоснуться к тебе...» Запах старости. Капельки пота на старом лице. Жёлтые глаза. И я просыпаюсь от собственного крика.

Отец врывается в мою комнату.

– Что, детка, что?

Я молчу. Часто дышу, качаясь из стороны в сторону.

– Скажи хоть что-нибудь, милая, не молчи. Прощу тебя, не молчи!

А дождь за окном по-прежнему идёт.

– Шра-м-м-м... Шра-м-м-м... – наконец, говорю я. Мне кажется, что в комнате холодно. А на самом деле очень душно. Мне не хватает воздуха.

– На моём теле шрамы, – рыдаю я.

В комнату вбегает мачеха.

– Мама умерла, – сообщает она и, часто дыша, начинает оправдываться перед отцом: – Я тоже слышала крик. Но она начала кашлять. Я испугалась, когда увидела кровь на сорочке. Позвонила в скорую. Но она перестала дышать и...

Папа со страхом смотрит на мачеху. Его нижняя губа трясётся, а лоб блестит от пота. Папа потирает брови.

– Смотри, папа, я вся в шрамах... – кричу я.

– О Боже! Моя хорошая! – мачеха бросается ко мне. – Что ты говоришь?

А я продолжаю повторять:

– Я вся в шрамах...

На изнанке собственной судьбы я пишу дневник. Моё напуганное сердце шёпотом рассказывает душе смысл происходящего, пока ум спит.

Я хорошо помню ужас, который вселила в меня та ночь. Мне было пять лет. Крошка.

«Милое дитя» – говорила про меня бабушка до того, как потеряла рассудок. Он оставил её в семьдесят лет. Причина – сахарный диабет.

Бабушка была красивой женщиной, а потому властной. Бабушка не терпела конкуренции. Она была замужем три раза, и каждого из мужей бабушка увела из семьи. Мой отец, её сын, был единственным мужчиной, которого она искренне любила. А моя мать – единственной соперницей, которую ей не удалось убрать с дороги.

Небеса

Сейчас перемена, и я позволила себе выйти во двор школы. Одноклассники не торопясь рассаживаются под густой тёмно-зелёной кроной крепкого дуба. Я же, как всегда, прохожу мимо них. Они

провожают меня взглядами. Призрачной волной до меня долетает шёпот. По коже, как обычно, пробегает мороз, и потеют руки. Обрывки фраз выстраиваются в хитром порядке, образуя страшный смысл. Он – душа моего наваждения. Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю чистый воздух весны. Новорождённая весенняя природа наполняет меня силами жизни. Я стараюсь не думать о своих проблемах.

Перемена для меня – это небольшая передышка. Мне страшно находиться в классе. Меня пугает теснота кабинета. Слишком близко друг к другу. А когда кто-то близко ко мне, я боюсь. Этот кто-то может заметить, что я больная! Однажды учительница сказала мне прямо в лицо, что я больная. Она сообщила моему отцу, что мне нужен врач! И теперь я стою во дворе школы и молюсь, чтобы перемена никогда не заканчивалась.

Мой сосед по парте снова будет слишком близко от меня. И он может заметить! Сегодня и так произошла неприятная ситуация, которую я буду вспоминать весь остаток дня и всю ночь. Очень хочется домой. Там я укроюсь от чужих глаз. Буду слушать музыку и читать любимую книгу. Но история с соседом по парте не даст мне покоя и ночью! Я закрываю глаза и вновь прокручиваю в голове события предыдущего урока.

Час назад

Прозвенел звонок на урок. Я вошла в класс. Мой сосед по парте сидел с учебником. Я подошла к нему. Он подвинулся, давая мне пройти к месту у окна. И вдруг из моих пальцев выпала ручка. Сосед оглянулся и хотел её поднять, но я опередила его. Рукав моей кофточки оголил кожу чуть выше запястья. Я бросила взгляд на руку: безобразный шрам змеился по коже. Мой сосед резко отдернул руку и со страхом посмотрел на меня. А я, сделав вид, будто ничего не произошло, выпрямилась и села за парту.

В течение всего урока я смотрела на свою руку в страхе обнаружить на ней шрам, но кожа была чистой. И только шум листвы и запах травы из открытой форточки помогали сдерживать слёзы.

Был шрам, или я придумала его? Скоро начнётся новый урок. Я медленно бреду в сторону главного входа школы. А может, я вся в шрамах? Перед собой я вижу тяжёлую парадную дверь. Я глубоко вздыхаю и решительно открываю её. Они все видят их! И поэтому шепчутся за моей спиной. А впереди меня ждёт ещё одно испытание. И сосед по парте тоже ждёт меня.

Я закрываю глаза и вижу, как золотой день превращается в серый вечер. Город недвижим. А на обочине города Озеро. Густой туман разливается по серой его глади. Тишина. Но я слышу всплески воды. Это Озеро раскрывает свои холодные объятия. Я открываю глаза и вижу перед собой светлую стену, на которой висит картина. На картине изображено тёмно-синее озеро, тёмно-зелёное дерево, и светятся белые кувшинки на воде. Это картина, которую я когда-то видела на выставке юного ху-

джника. На ней были изображены чёрное озеро и чёрный забор. Но на чёрной воде светились не белые кувшинки, а сияло белое тело молодой девушки. Безжизненные глаза навсегда врезались в мою память.

Но я в своей комнате. Лежу на кровати. В плеере звучит грустная мелодия, а за окном бунтует ветер. Тёплый солнечный день уже превратился в холодный ветренный вечер. Душу разрывает боль, которая на протяжении одиннадцати лет искажает мою жизнь. Ежедневное чувство отчаяния отнимает у меня возможность легко дышать. Я не могу выпустить его из своей души.

– Камила, – слышится папин голос из кухни.

– Да, пап? Что ты хотел? – неохотно интересуюсь я.

– Подойди на кухню, дочка.

Тяжело вздохнув, я сползаю с кровати и отправляюсь к отцу. У нас небольшая, но уютная двухкомнатная квартира. Раньше мы жили в частном доме на окраине города. Но папа продал его. Мне казалось, будто по коридорам нашего большого дома бродит призрак бабушки, наблюдает за мной. Я была уверена в том, что она ждёт удобного момента, чтобы убить меня.

Я приползаю на кухню и наблюдаю, как папа в разноцветном фартуке, стоя у плиты, пробует красный соус на вкус. Я кашляю, как бы сообщая о том, что нахожусь рядом. Отец поворачивается ко мне.

– Хорошо выглядишь, – его голос звучит преувеличенно мило. Папа всегда говорит так, когда хочет сказать мне, что на моём теле нет шрамов. Про себя я морщусь, а на деле – улыбаюсь.

– Спасибо, пап, – совершенно искренне говорю я.

– Камила, – он подходит ко мне и обнимает за плечи, – мне нужно поговорить с тобой.

– Я вся во внимании (я знаю, что он сейчас скажет).

– Присядь, – отец отодвигает стул от стола. Я сажусь. – Я тут по телевизору рекламу видел... Очень хороший врач... Учился много лет в Германии...

На протяжении многих лет одно и то же. Папа любит меня. Он хочет, чтобы я была нормальным счастливым подростком. Поэтому он постоянно в поисках врачей, священников, целителей, экстрасенсов, которые смогут мне помочь стать нормальной! В этот раз я решаю, что молчать не стоит, и перебиваю его.

– Сколько он берёт?

– Давай мы не будем обсуждать сейчас этот вопрос, договорились?

– Нет, не договорились.

– Камила! – в голосе отца звучит упрёк.

– Пойми, я не хочу... – в своем голосе я ещё слышу слабую надежду на понимание. Я смотрю ему в глаза. Папа уводит от меня взгляд. И тогда я встаю из-за стола и направляюсь к выходу.

– Как сегодня прошёл день в школе? – вдруг спрашивает отец.

Я стою возле двери спиной к нему. Мои глаза закрываются. Сердце рвётся от боли и кричит: «Он не понял. Он не может понять. Он не хочет понять!»

Однако я заставляю себя сдержаться и с притворной улыбкой на лице поворачиваюсь к нему.

– Отлично.

Он пристально смотрит мне прямо в глаза. Я знаю, что он не верит мне! Отец тяжело вздыхает. Он хочет, чтобы я видела его разочарование. Он нарочно вынуждает меня говорить. Он старательно вынуждает меня признаться в своей слабости.

– Ну, хорошо, – сдаюсь я. – Я видела шрам на своей руке. Он появился неожиданно. А мой сосед по парте отдернул руку от моей как раз в тот момент, когда я увидела на ней шрам.

Папа вновь тяжело вздыхает.

– Прости, пап, но больше я не хочу идти ни к каким врачам!

– Почему?! Почему бы тебе просто не понять меня?! – упрощаю я папу.

И опять этот тяжёлый вздох!

– Ты не знаешь, что это такое, когда ни один парень не захочет прикоснуться к тебе! – почти крича, пытаюсь объяснить я.

– Но у тебя нет на теле шрамов! – слышу я крик в ответ.

– Ты врешь! – слёзы брызгают из глаз, а лицо горит от ярости, и я чувствую, как сердце стучит в висках. – Они есть! Ты видишь их, но врешь мне!

Я поставила шах и мат! Отец вздыхает.

– Хватит! У меня от тебя разболелась голова.

Я недовольна! Я горю желанием выговориться! И я закричала!

– Я сильно жажду любви! Мимо жизнь проходит! Там, за стеклом, она играет яркими красками, а я медленно умираю здесь.

Тишина. В глазах отца я вижу боль вины передо мной. И мне становится его жалко.

– Неужели я виноват в этом?! – шёпотом спрашивает он. В его глазах мольба о пощаде.

Я молчу. На это мне нечего сказать. Он прав. Я виню его. Но не могу признаться в этом. Поэтому я опускаю глаза, отрицательно мотаю головой и удаляюсь в свою спальню, тихо прикрыв за собой дверь. Я в своей комнате. Медленно подхожу к кровати и хватаю рюкзак. Сюю в него бутылку с водой, паспорт, немного денег и сбегаю из дома.

Вечер поздний. Дневная духота уже спала. И захватывает дух от свежести холодного воздуха. Москва горит огнями. Я люблю её красотой. А леденящий душу ветер постепенно приводит меня в чувство. Но я утопаю в своём страшном мире. Улыбаюсь про себя, страдаю про себя, умираю в своём воображении! И вдруг мою тьму освещает красивое лицо. Живой взгляд его необыкновенных серых глаз продлевает отверстие в чёрной завесе моего ужаса. К сожалению, молодой человек не один. По влажной от мелкого дождя мостовой он идёт в компании друзей. К моему удивлению, он обращает на меня внимание. Мило улыбается, проходя мимо. И когда я оказываюсь за их спинами, я всё ещё не в силах оторвать от него взгляда. Поэтому, останавливаюсь и смотрю им вслед.

– По-моему, эта девочка смотрит на нас, – слышу я обрывок кем-то сказанной фразы.

– По-моему, тоже.

Этот голос! Я узнаю его! В одном из моих снов он говорил со мной. Очень долго, но слишком тихо, едва ощутимо. И всё же я узнаю этот голос!

– Подойди к ней. Она вроде ничего.

Высокий звук девичьего голоса раздражает меня, и я вздрагиваю. Мне хочется слышать и слушать только его голос. Мягкий, нежный, чувственный, родной...

– Думаю, у меня нет выбора, – говорит он, возвращается и медленно идёт ко мне.

– Привет.

И вот он стоит передо мной. Сказочно красивый, почти нереальный. А я – на дне колодца, где жутко и холодно. Но нежный звук голоса рассеивает ужас темноты, а тепло светлых глаз согревает от холода.

– Привет, – смущённо улыбаюсь я в ответ.

– Хочешь с нами прогуляться?

– С ними – нет, а с тобой – да, – искренне отвечаю я, удивляясь собственной смелости.

Он оглядывается на друзей и машет им рукой. Видимо, они понимают, что он остаётся со мной, и уходят.

– Что ж, прогуляемся, – его голос, как любимая песня, волнует меня. Я хочу подойти ближе к его теплу, я хочу прикоснуться к его свету. Теперь я вижу выступ на серой стене колодца и хватаюсь за него рукой.

– Можно взять тебя за руку? – спрашиваю я.

– Можно, – улыбается он и сам берёт меня за руку.

Я вижу ещё один выступ на серой стене и крепко хватаюсь за него второй рукой. По моей коже лёгкой волной пробегает дрожь.

– Как тебя зовут?

– Камила.

– Интересное имя. А меня – Вадим.

Кажется, в мой колодец кто-то спустил лестницу.

– И чем же я так понравился тебе? – вежливо интересуется Вадим. Он ласково улыбается. Его рука горячая по сравнению с этой холодной ночью, в чёрном небе которой живёт заложница – моя радость.

– Ты светишься...

– Я свечусь? – Это признание рассмешило Вадима.

– Да.

Мы медленно шагаем вдоль моста. Мимо проходят люди. Никто не замечает нас. Вадим охотно рассказывает о себе. А я внимательно слушаю. Мне нравится, что не приходится задавать навязанные вопросы. Я рада, что не приходится на них отвечать.

Вадим из числа золотой молодёжи. Он учится на третьем курсе МГУ. У родителей Вадима прибыльный бизнес. Поэтому они смогли оплатить обучение. Вадим выбрал факультет журналистики.

– Красивая профессия для яркой личности, – говорит Вадим и смеётся.

Он хочет писать правдивые истории про настоящих людей. Его мечта – призвать мир любить

жизнь! Вадим искренне влюблён в неё. А жизнь искренне отвечает ему взаимностью.

Но вдруг Вадим прерывает свой рассказ и говорит:

– Боюсь показаться любопытным, но мне хочется услышать рассказ о тебе.

У меня нет желания говорить о себе. Я быстро оглядываюсь по сторонам. Увидев свой дом, чувствую облегчение. Пойти домой – хорошая возможность избежать рассказов о себе.

– Мне пора идти, а то папа волноваться будет, – перевожу я тему разговора.

– Да? – с разочарованием в голосе произносит Вадим.

– Мы уже почти у моего дома.

Вадим с лёгкой улыбкой смотрит на меня. Он облизывает губы, из-за чего они становятся алыми и блестящими, а живой, полный искреннего сожаления взгляд буквально проникает в моё сознание.

– Ну, тогда пошли, я провожу тебя до подъезда.

– Пошли, – соглашаюсь я. Моё сердце сжимается от тоски.

– И всё-таки у нас есть немного времени, расскажи мне о себе, – решает не сдаваться Вадим.

Я смотрю на него печально, а он – с интересом наблюдает за мной. В его глазах – огни при сером свете луны, а в моих – пустота, даже когда сияет солнце. Я понимаю, что мы очень разные, и чувствую, как моя душа дрожит. Я боюсь разочаровать его. Как сказать человеку, что у меня нет будущего? Вадим замечает мою нерешительность.

– Видимо, ты не хочешь говорить о себе, – делает вывод он. – Что ж, можно пройтись и молча. Будем идти не спеша. Мне нравится всё, что происходит между нами сейчас. Это очень необычно для меня.

Мы неторопливо подходим к подъезду. Приближается момент прощания. Ему пора возвращаться в свой мир, а мне – в свой. Неужели он просто уйдёт и останется для меня лишь воспоминанием?

– Пока, – чуть слышно произношу я. В ответ он молча отпускает мою руку. Моя ладонь ощущает холод ночи. Неизбежный момент прощания. Обречённо я поворачиваюсь лицом к дому.

– Постой. Ты даже не оставишь мне номер телефона?

Возникает пауза. Я чувствую, как моё сердце наполняется радостью, но это неожиданный поворот для меня. Я отвечаю робко:

– Конечно.

Вадим достаёт из кармана сотовый телефон и записывает мой номер. Счастливая, я открываю дверь и молча вхожу в подъезд. Поднявшись на третий этаж, я смотрю в окно. Вадим всё ещё стоит у подъезда, засунув руки в карманы светлых брюк. А золотой весенний вечер рассыпает блёстки по светлым волосам. Я закрываю глаза, чтобы было проще отойти от окна. Затем открываю и вижу серые стены подъезда. Я медленно бреду в сторону квартиры.

– Где ты была, Камила? – встречает меня недовольный папа.

– Как обычно, бродила по Москве! – с лёгкой улыбкой на лице отвечаю я. Папа не мучает меня расспросами, а просто уходит в свою комнату, из которой доносится тихий звук телевизора.

Я смотрю в окно своей комнаты. Идёт дождь. Под медовым светом высоких фонарей виднеется силуэт. Я улыбаюсь про себя, закрываю глаза и представляю лицо Вадима. Сегодня мне будут сниться хорошие сны.

Судьба была жестока ко мне с самого рождения. Едва я успела сделать первый вздох, она отняла маму. Про маму я знаю только из рассказов отца.

В детстве мама едва не погибла в пожаре. Большой ожоговый шрам покрыл половину её спины и всю левую руку. Но она никогда не ходила по берегу голой. Это была дикая выдумка бабушки. С озером маму связывал единственный яркий момент – знакомство с моим отцом.

В лёгком белом платье она шла по берегу озера. Был июнь. Сияющий понедельник лета. Волшебный образ на фоне светлого дня покорило сердце моего отца.

«Любовь, Камила, это бесценный дар вселенной. Но даруется он не каждому. Принять и осознать этот дар может только человек с открытым сердцем», – так однажды сказал мне отец.

Но трудно дышать, когда в открытое сердце ребёнка вливают отвращение к любви. Моя бабушка отняла у меня самое ценное – чистый образ мамы. Бабушка была выжившей из ума старухой, а я – беззащитным перед безумием ребёнком.

Приговорили меня

Я вижу, как ночь овладевает пространством угрюмого Озера. Тёмно-синий пейзаж застывает, как на картине, от холода. Озеро чёрное и гладкое. Ветер не дует, не летают птицы. Пустота, в которой таятся незаметная для человека жизнь, манит своими загадками и фальшивым покоем. Красивая клетка свободы для юного тела и его израненной души. Покинутая всеми, я слышу её крик. Душа умоляет дать ей свободу. Свобода нужна душе как воздух! Ей мучительно тяжело жить в оковах тела. Я вижу Озеро. Сквозь чёрный саван воды сияет лицо. Его сияние медленно поглощает тёмная бездна...

Ночь. Я просыпаюсь от жуткой боли в животе. Это приступ. Они долго не беспокоили меня. Я почти забыла, что это такое – испытывать страх. Но этой ночью он застаёт меня врасплох. Моё тело трясётся, я вся в поту. Снова неконтролируемый крик. Папа вбегает в комнату.

– Что стряслось?

– Он видел их! – кричу я, как ненормальная.

– Доченька...

– Шрамы, он видел их!

Отец обнимает меня за плечи и успокаивает, медленно покачиваясь.

– Всё будет хорошо, милая. Всё будет хорошо, доченька... – я слышу, как он плачет.

Прошёл год после знакомства с Вадимом. Мы были друзьями. Я терпеливо ждала предложения.

В один из майских дней Вадим задал долгожданный вопрос. Удивительный, захватывающий момент. Простой вопрос: «Будешь моей девушкой?» превратил меня в особенного человека!

Неделю назад Вадим купил мотоцикл. Шум мотора до сих пор звучит в ушах. Я помню, как закрыла глаза, когда меня охватил страх. Мотоцикл мчался быстрее с каждой секундой. С каждой секундой я сильнее прижималась к Вадиму. Помню запах кожаной куртки. Помню снег, который таял на губах и ресницах. Помню, как открыла глаза, и силу, с которой захватило дух. Москва летела мимо нас. Смешались яркие краски города. Это был тёмный ноябрь. Наконец я проснулась от страшного сна. Нужно быть безумно влюблённой, чтобы в холодный зимний вечер кататься на мотоцикле без шлема.

В тот вечер мы жутко замёрзли. Точнее, замёрзла я. Лёгкое платье и короткая куртка едва согрели от холода. Увидев, что я дрожу, Вадим предложил зайти к нему. Но он жил с родителями, и я отказалась. Я понимала, что это серьёзно. Я не хотела портить ему жизнь. Поразмыслив немного, Вадим решил поставить мотоцикл в гараж. В сером, но светлом помещении было тепло, просторно и чисто. Именно здесь «жил» мотоцикл Вадима. Две блестящие иномарки родителей расположились по центру гаража. Я покрутила вокруг машин – красивые! Медленно подошла к Вадиму. Стыдно признаться, но, повинувшись, зову души, я откровенно флиртовала с ним. Вадим понимал это. Ему явно нравилось играть в мою игру.

Он нежно обнял, когда я близко подошла к нему. Помню глаза, полные нежности. Его взгляд манил за собой. Столько боли, столько искреннего понимания, столько любви в этих глазах! Он поцеловал меня. В тот вечер я узнала, что такое быть любимой. Пошло ли это? Я стала сомневаться в чистоте своих поступков. Но искреннее чувство не может быть пошлым! Вадим не потерял интерес ко мне. Мы стали ближе друг к другу.

И вот мой приступ, который испортит всё. Всё, что было между нами. Моё проклятие вернулось и хочет отнять самое дорогое – его любовь...

После ночного приступа я решаю не идти в школу, так как очень плохо чувствую себя. Я не хочу звонить Вадиму. Он сам всё узнает, когда придёт в школу встречать меня. Телефонный звонок раздаётся около двух часов.

– Алло, Камила, ты как? – слышу нежный голос в телефоне.

– Я просто заболела немного.

– Почему не позвонила? Я бы примчался к тебе, а не в школу.

– Прости...

– Я сейчас приеду!

– Вадим... – и гудки.

Я подхожу к зеркалу и привожу себя в порядок. Сегодня был приступ. Боюсь, что всё может повториться при Вадиме, а Вадим – не поймёт! Я могу потерять его. Это убьёт меня. Мой Вадим – единственный человек во вселенной, которому почти

удалось прогнать страх из моей души, но который ничего не знает обо мне. Слезы так и льются. Нужно прийти в себя. Я больно кусаю себя за руку. Красные следы остаются на коже. Мне кажется, я контролирую ситуацию. Звонок в дверь. Утерев слёзы, иду открывать.

– Привет, – говорит Вадим. На лице улыбка, а за спиной розы. Он пытается прятать букет. Но это сложно сделать, когда отражаешься в зеркале.

– Розы?

– Да, – смущённо отвечает Вадим.

Я принимаю букет и нежно улыбаюсь. Но моё сердце – как раненая птица... Кажется, это наша последняя встреча.

Мы разные. Но чувствую, что душа Вадима – вторая половина моей души. Однажды мы посетили галерею, чтобы посмотреть работы молодых талантов. В тот день я приготовила куриный суп, единственное, что умею готовить. Весело смеялся, Вадим рассказывал, как пролил кофе на дипломную работу. Он усердно готовился к защите, таскал своё творение повсюду, проверял, переделывал, и снова проверял, и снова переделывал. Это было важно для него. Вадим амбициозен. Он знает точно: если нет природного таланта, надеяться можно на собственное усердие. Не все имеют способность моментально добиваться успеха в любимом деле! Поток мыслей резко прекращается. Я понимаю, что Вадим стоит на пороге и ждёт приглашения войти. От всех размышлений сдавливают виски. Я подхожу к Вадиму. Пытаясь сдержать слёзы, крепко зажимаю глаза. В ответ он обнимает меня.

– Входи, не стой на пороге, – тихо говорю я.

Мы сидим на диване и смотрим друг на друга. За окном апрельский день. Свет живёт в каждом уголке комнаты. Окно приоткрыто, и полуденный ветерок наполняет пространство свежей прохладой.

– Я волновался. Почему не позвонила? – упрекает Вадим. Я чувствую страх. Он боится потерять меня. Я тоже боюсь. Мы влюблены. Но сможет ли Вадим побороться за это? Что если я расскажу ему всё? Однако имею ли право? Из-за моей болезни и так пострадали отец с мачехой. Они расстались много лет назад. Его жена была доброй и насколько возможно понимающей. Но папа решил, что ей будет лучше без нас. Она удачно вышла замуж и родила сына.

– Прости, – грустно говорю я.

Наверное, в последний раз вижу эти глаза. Мой корабль счастья несётся на айсберг. Он готов вдребезги разбиться о снежную льдину. Мысли путаются, всё вокруг меркнет. Я и моё воображение смотрим друг другу в глаза. Смотрю на руку и вижу шрамы, а на груди десятки шрамов! Хочу отмотать время назад. Мечтаю вернуться в день первой встречи с Вадимом. Смотрю на него, и мне кажется, он избегает моего взгляда. Моё тело постепенно покрывается безобразными шрамами.

– О чём так задумалась?

– Так, ни о чём важном, – я двигаюсь ближе к нему и прошу снять с меня футболку. Эта просьба вызывает у Вадима улыбку. Но в любимых глазах

я вижу тревогу. Он медленно снимает футболку и кладёт на колени. Я встаю с дивана и закрываю глаза, полностью поддаваясь своему проклятию.

– Я не такая, какой ты знаешь меня. Вадим, я не такая, как все вы, я не такая... – повторяют мои губы сквозь солёные слёзы.

Я вспоминаю моменты, когда из-за сильного страха на теле проявлялись шрамы. Все видели их. Я знаю, видели! Один врач объяснил, что, когда я сильно боюсь, меняется биохимия мозга, и, слушая неправильные импульсы, тело способно выявлять страх наружу в виде шрамов. Вадим с ужасом смотрит на меня.

– Что это? – спрашивает он на выдохе после долгой паузы.

– Моё проклятье, – отвечаю я. Вадим встаёт с дивана и быстро уходит.

Я падаю на пол и реву. Отец не идёт домой. Почему? Почему он не идёт домой?! Мой самый родной человек! Единственный, кто принимает меня с моим ужасом!

Папа любил маму. А любил ли меня Вадим? Сомнений много. Но сердце робко шепчет: «Да».

К смерти

Дни без еды и сна. Длинные часы вдали от любимых глаз. Бесконечные минуты одиночества. Попытки достучаться, принять и опровергнуть. Отец за закрытой дверью. Я не хочу говорить с ним. Он сидит у окна каждый дождливый вечер. Смотрит старые фото. Сетует на судьбу.

– Зачем, скажи, зачем ты оставлял меня маленькую наедине с большой старухой, с которой я умерла в ту ночь?

Он ответом на мой вопрос всегда будет тишина. И вот однажды моя жизнь обрывается.

Сумерки. Холодный ветер будто играет на скрипке настрожённую мелодию плохой погоды. Над бесцветным Озером, висит аура горя и нелюбви. Лес чёрной полосой безмолвия замёрз вдоль глади Озера, как на безжизненной картине бездарного художника. Тишина.

Я иду по тонкому льду. Он трескается под ногами. Из медленно увеличивающейся трещины льётся вода. Она похожа на кровь, которая сочится из раны. Весна. Мои глаза закрываются, и я вдыхаю свежий воздух. Он со вкусом надежды. В моих воспоминаниях – Вадим. «Вот мы и встретились, – говорю я с Озером. – Именно таким я видела тебя. Пустым и тихим». Я замолкаю, но потом говорю снова: «Знаешь, Вадим – самое прекрасное, что было в моей жизни. Та ночь, серые глаза, добрая улыбка и...»

...Лёд треснул. Вода прорывается на поверхность. Я чувствую резкую боль на коже. Всё происходит быстро. Озеро устало тянуть время! Я вижу папу. Стыдно. Щёки горят. Мне страшно!

Незаметно думает время. Слёзы застыли в глазах. Я не нарочно. Судьба толкает меня в омут синей воды. Замороженные пальцы в отсутствие желания идти дальше....

Яркий луч ведёт меня по коридору сознания. Лицо папы перед глазами. Мне стыдно за свой поступок. Я чувствую, как во мне останавливается жизнь. Но вдруг вижу свет серых глаз и плечо спасателя МЧС, через которое смотрит Вадим. Он нашёл меня...

Серые тучи, которыми затянуто небо, летят, гонимые сильным ветром. Машина скорой помощи, тусклый свет фар от машины МЧС и много людей вокруг. Носилки, уродливые трубки и огромные шприцы – вот правда жизни. В этом нет ничего красивого, кроме желания освободиться, сбежать и... жить дальше.

– Я прочитал ваш дневник.

В залитой светом просторной комнате пахнет яблоками. Чаша с ними стоит на письменном столе. Я смотрю на красные яблоки, и мне хочется улыбаться. В мягком кресле я чувствую себя достаточно комфортно. Летит полупрозрачный тюль, иногда касаясь моего колена. Через открытое окно его тревожит согретый солнцем ветер. Мне приятно ощущать нежность его легкого касания. Поэтому я сижу недвижно, чтобы тюль долетал до меня и мог коснуться кожи.

– Камила, – пробивается сквозь мысли мягкий голос врача. Я поднимаю глаза и вижу доброе лицо доктора в квадратных очках. Он сидит напротив меня. Стол, на котором стоит чаша с ароматными яблоками, разделяет нас.

– Камила, – вновь произносит он моё имя, – меня зовут Вадим Андреевич.

Вадим Андреевич! Какое невероятное совпадение имён! Судьба постоянно проверяет меня на прочность.

– Я постараюсь вернуть вас к полноценной жизни, – говорит доктор.

– А я готова пойти вам навстречу.

Вадим Андреевич смотрит мне прямо в глаза.

– И вы готовы видиться со мной три раза в неделю?

– Да, – решительно отвечаю я.

– Это очень хорошо. – Вадим Андреевич поворачивает лицо к окну и прищуривает глаза. – У вас теперь много помощников: ваш папа, я и Вадим.

При упоминании Вадима на моём лице появляется улыбка. Это явление не ускользает от опытных глаз Вадима Андреевича, и он задаёт вопрос:

– В вашей жизни было мало любви?

Я не сразу понимаю, что имеет в виду доктор. Задумываюсь. Осмыслив вопрос, отвечаю:

– Да, – и вновь задумываюсь. В мыслях я ищу подходящее объяснение.

– Знаете, – буквально вырывается у меня, – мне всегда не хватало любви матери!

Моё признание звучит неожиданно только для меня в этой комнате. Вадим Андреевич понял это из моего дневника и плавно подвёл к этой мысли.

– Отец пытался заменить отсутствие мамы своей любовью.

Я чувствую, как проясняются мысли, и моё сердце сжимается от боли за отца. Я продолжаю говорить.

– Оказывается, поглощённая своим страхом, я просто не замечала его доброты... А брак отца с женщиной, которая оставила во мне лишь минутное воспоминание о себе, всегда воспринимался мною как попытка отдалиться от меня. Всегда казалось, что отцу нужна новая жена. Мама умерла при родах. Я думала, мы с ней разочаровали его, и он нашёл нам замену, мачеху, с которой у него будут свои, новые дети. А я стану ещё более недостойной его любви. Поэтому я не смогла принять мачеху. Когда он отпустил её, я почувствовала свою маленькую победу. Но сейчас понимаю, что отец женился на ней ради меня. Он хотел, чтобы у меня была мама. Я очень виновата перед ним.

– Я как чёрная дыра, в которой любовь исчезает бесследно. Поглощаю любовь, а потом вновь заставляю дать мне её. А что даю взамен?

После всего сказанного я вновь смотрю на красные яблоки.

– Яблоки для гостей. Вы мой гость, Камила, так что угощайтесь, – вдруг предлагает Вадим Андреевич.

Я смотрю в окно, затем на врача. Смущённо улыбаюсь.

Некоторое время мы молчим. Я слышу шёпот деревьев. Люблю слушать их болтовню. Доктор нарушает молчание. Он неожиданно задаёт провокационный вопрос.

– Камила, а вы покрыты шрамами?

Его вопрос мне кажется бессмысленно странным. Слышать о шрамах из уст постороннего человека необычно для меня. Я тихо отвечаю:

– Да. Всё моё сердце покрыто ими.

– А душа?

Я задумываюсь. Мне кажется, что ответ очевиден, а вопрос глупый. Но я всё же отвечаю:

– Да.

– Шрамы сердца и души способны проявляться на вашем теле?

Я снова задумываюсь и медленно отвечаю:

– Не знаю. Такое возможно?

Вадим Андреевич поджимает нижнюю губу.

– Камила, физически это невозможно. У науки нет подтверждений, что это возможно, – Вадим Андреевич смотрит на меня в ожидании ответа, но я молчу. – Вы не верите мне? У вас на теле не может быть никаких шрамов! На сердце, в душе, но не на теле!

И я опять задумываюсь. Затем усталым голосом говорю:

– Пожалуйста, Вадим Андреевич, убедите меня в этом. Я готова идти за вами.

Вадим Андреевич отвечает после недолгого молчания:

– А я готов помочь вам.